

Республиканская крымскотатарская библиотека
им. И. Гаспринского
Серия «Бильги Чокърагъы» («Источник знаний»)

C (kpanu-705) - /p. kpanu. 705. 2013-2014

Ortaçağ Qırımtatar Klassik Şiirinden

Tercime etken
Sergey Drujinin

Tertip etken, muqaddime yazğan ve açıqlamalar hazırlağan
Nariman Abdülvahap

Ressam
Zarema Trasinova

P VI
23619

Simferopol
SONAT
1999

2013/41	Alisher Navoiy
2878	Ўзбекистон МК

ГРЕЗЫ РОЗОВОГО САДА

Из средневековой крымскотатарской классической поэзии

Переводы
Сергея Дружинина

Составление, предисловие и комментарии
Наримана Абдульваапа

Художник
Зарема Граснинова

Симферополь
СОНАТ
1999

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которую держит в руках читатель, представляет собой первый опыт антологии средневековой крымскотатарской классической поэзии. Составители сборника ставили целью хотя бы в общих чертах показать содержательное и формальное разнообразие поэзии, вызывающей в последние годы все больший интерес у читателей и специалистов, и не только в Крыму, но и далеко за его пределами.

В антологии представлены образцы крымскотатарской поэзии периода со второй половины XV по первую треть XIX века, что в общественно-политической и культурной истории Крыма соответствует практически 350-летней эпохе Крымского ханства (первая пол. XV в. — 1783 г.), а также почти пятидесятилетнему периоду, последовавшему за актом присоединения Крыма к России (1783 г.). И если первый из этих периодов является временем оформления и расцвета «средневековой» крымскотатарской классической поэзии, то вторая половина XVIII — начало XIX века характеризуется как период, завершивший ее развитие. Речь идет прежде всего о так называемой поэзии *дивана* — поэзии ханского двора и просвещенных кругов, главным образом светского содержания, поэзии, собственно, и известной ныне под названием классической. Заметим, что после 1783 года поэзия эта у крымских татар представлена исключительно именами поэтов, как сейчас принято называть, крымскотатарского зарубежья, т. е. эмигрантов (главным образом в Турцию), а также их наследников. В антологии таковыми являются отец и сын Халим Герай султан (1772—1823) и Шахбаз Герай султан (1795/96—1836/37).

Возвращаясь к вопросу хронологии, отметим, что XV век отнюдь не является нижней вехой в истории крымскотатарской классической поэзии. Началом ее следует считать, по меньшей мере, первую треть XIII века, когда в Крыму поэтом Махмудом Крымским было создано значительное поэтическое произведение на сюжет коранической легенды о пророке Юсуфе (библейский св. Иосиф) — «Сказание о Юсуфе и Зелихе» («Хикayet-и Юсуф ве Зелиха»). К сожалению, текст этой поэмы, считающейся на сегодняшний день самым древним памятником крымскотатарской письменной литературы, не сохранился, но известен ее перевод, осуществленный между 1228—30 годами современником Махмуда Крымского анатолийским (турецким) поэтом Халил-оглу Али. Любопытно, что несохранившаяся поэма крымского автора была, возможно, первым опытом поэтической обработки известной коранической легенды в истории всей тюрко-татарской литературы. После Мах-

муда Крымского к этому сюжету обращались достаточно часто и весьма известные авторы.

За «домонгольским» периодом (до середины XIII века), собственно, зарождения крымскотатарской письменной литературы последовал двухвековой период, получивший наименование «золотоордынского» по названию обширного государственного образования Золотая Орда, в состав которого в XIII—XV веках входил и Крымский полуостров. Увы, и от этого периода литературные произведения, созданные в Крыму, практически не сохранились, хотя исторические источники свидетельствуют о достаточно насыщенной литературной жизни в городе Крым (бывший Солхат, ныне г. Старый Крым) — одном из важнейших золотоордынских культурных центров своего времени. Так, по мнению ряда учёных, именно в окрестностях Старого Крыма в 1294—95 гг. итальянскими поселенцами был составлен широко известный в тюркологической науке памятник кипчакского (куманского, половецкого) языка — латинско-персидско-куманский словарь «Кодекс Куманикус», в 40-х годах XIV века дополненный и образцами кипчакской литературы того времени.

Впрочем, было бы неверно ограничивать литературную жизнь Крыма этого периода лишь авторами и произведениями «крымского происхождения». Крымский юрт, будучи составной частью Золотой Орды, имел тесные контакты со всеми остальными административными единицами этого могущественного государственного образования и, в частности, с его важнейшими культурными центрами — городами Сарай и Булгар в окрестностях р. Волги, а также городами исторической области Хорезм в Средней Азии. В связи с этим оправданным является рассмотрение литературного процесса на территории Золотой Орды целиком, что делает предметом непосредственного внимания целый ряд значительных литературных памятников авторов из вышеуказанных регионов: «Кыссас ал-анбия» («Сказания о пророках», 1310) Насреддина Рабгузи, «Хусрев у Ширин» («Хосрау и Ширин», 1341/42) Кутба, «Нахдж ал-Фарадис» («Открытый путь к раю») Махмуда бин Али ас-Сараи; «Мухаббат-наме» («Книга о любви», 1353) Хорезми; «Гулистан» Сейфа Сараи и др.

Возвращаясь к «крымским» авторам, заметим, что в настоящее время известны имена ряда ученых, писателей и поэтов крымского происхождения, живших и творивших вне исторической родины — в Египте, Сирии, некоторых центрах Османской империи. Из авторов, практически всю жизнь проживших в Крыму, отметим поэта Абдульмеджида Крымского (вторая пол. XIV в. — нач. XV в.), автора сохранившихся до наших дней лирических

стихотворений — газелей, а также поэмы «Мунис-уль-ушшак» («Неразлучный друг влюбленных»), тоже на сюжет о пророке Юсуфе, судьба которой неизвестна.

В первой половине XV века в результате центробежных процессов в Золотой Орде, на территории Крымского полуострова, а также на значительном пространстве вне его, утверждается автономное государственное образование — Крымское ханство, которому уготована долгая и драматическая судьба. В течение более 300 лет это государство будет являться значительным фактором в политической истории обширного евразийского региона. В управлении государством будет пребывать бессменная династия крымских ханов Гераев, около 50 представителей которой кто дважды, а кто трижды и даже четырежды будут восходить на крымский престол. Период крымской истории с середины XV века по 1783 год с полным правом можно назвать эпохой Гераев. Трудно не процитировать известного русского поэта, художника и мыслителя Максимилиана Волошина (1877—1932), охарактеризовавшего эту эпоху как «Золотой век Гераев». В этом определении присутствует вполне оправданное признание роли Гераев в политической и культурной истории Крыма. С точки же зрения истории литературы не может не быть отмеченным тот факт, что около 30 представителей этой фамилии получили известность как писатели, поэты и историки.

Из двенадцати авторов, представленных в антологии, восемь — Гераи. И это не случайно. Несмотря на значительные потери (в частности, до нас не дошли *диваны* — сборники стихов, своего рода «собрания сочинений» — Бора Гази Герая II, Софу Мехмеда Герая IV, из творчества же некоторых из Гераев мы практически ничем не располагаем), сохранившееся наследие поэтов ханской фамилии достаточно объемно. Это объясняется тем обстоятельством, что жизнь, деятельность и творческие опыты представителей ханской династии пользовались особым (и вполне понятным) вниманием современных им авторов различных летописных и библиографических трудов, а также рядовых переписчиков разнообразной литературной продукции, в том числе, надо полагать, и многочисленных *диванов* поэтов того времени. Этого нельзя сказать в отношении целого ряда менее родовитых поэтов, о существовании которых мы знаем по упоминаемым в различных источниках именам и практически не располагаем образцами их творчества. Иллюстрацией могут послужить следующие факты. В «Книге путешествий» известного турецкого путешественника и историка XVII века Эвлии Челеби, в частности, упомянуты имена более десяти поэтов из окружения принца, а в будущем — знаменитого хана, четырежды всходившего на престол) Се-

лима Герая I (1634—1704), о которых ныне мы ничего не знаем. Также не сохранилось никаких сведений о жизни и творчестве целого ряда поэтов — авторов надгробных эпитафий кладбища Ханского дворца в Бахчисарае. Подобные примеры далеко не единичны.

Такова общая черта литературной истории крымскотатарского классического наследия, а именно — значительные потери. И в первую очередь это касается наследия авторов, живших и творивших на родине — в Крыму. Именно их произведения, хранившиеся как в библиотеке Ханского дворца в Бахчисарае, так и в личных книжных собраниях постигла горькая участь всей средневековой крымскотатарской культуры. Сотни томов крымскотатарской литературы средних веков, надо полагать, погибли в водовороте политических, экономических и военных катаклизмов XVIII—XX веков.

Гораздо больше повезло тем поэтам, которые по различным причинам покидали Крым или же долгое время проживали вне его, в частности, в различных культурных центрах Османской империи, а также тем, кто вел скитальческую жизнь. Из таких поэтов отметим представленного в антологии легендарного поэта Ашыка Омера (1621—1707) — одного из самых популярных и плодотворных представителей так называемой *ашыкской поэзии («ашык»* — араб. «влюбленный»), поэзии тюркоязычных бардов. Ашыкская поэзия является специфической ветвью средневековой крымскотатарской (и в целом тюркоязычной) поэзии, располагающейся на стыке поэзии народной и поэзии *дивана* (см. выше). Еще одной ветвью крымскотатарской поэзии рассматриваемого периода является поэзия религиозно-суфийского содержания, представленная в сборнике именами хана Софу Мехмеда Герая IV (XVII в.), отчасти принца Шахбаз Герая (XIX в.), и особенно поэтами-суфиями отцом и сыном Афифедином Абдуллой и Абдульазизом (XVII в.). Философия и практика исламского мистицизма — суфизма (араб. «*тасаууф*»), его возвышенные гуманистические идеалы имели огромное воздействие на развитие литератур мусульманских народов, обогатив их яркостью мистических откровений, глубиной философской мысли, а также расширением границ традиционной образности. Не составила исключение и крымскотатарская литература, насчитывающая десятки имен мыслителей и поэтов, принадлежавших к различным суфийским орденам (*братствам*) — *тарикатам* (от араб. «*тарик*» — «путь»), с незначительными отличиями в ритуальной практике исследовавшим вопросы достижения Божественной истины.

Достаточно богатая и разнообразная формальная сторона поэзии крымскотатарского средневековья представлена в антологии прежде всего классическими формами поэзии *дивана* — многочисленными *газелями*, одной поэмой — *месневи*, поэтическими формами *кыта*, *мурабба* и *муседдес*. Из форм народной поэзии представлена *кошма*.

Говоря непосредственно о переводах, прежде всего хотелось бы отметить, что произведения большинства авторов, представленных в антологии, на русский язык переводятся впервые.

Также хотелось бы обратить внимание читателей на метрическую сторону исполнения переводов. Практически все они выполнены с сохранением поэтических размеров оригинальных текстов, то есть в соответствии с теми или иными формами как классической системы *«аруз»* (см. «Комментарии» к ст. «Менгли Герай I»), так и народной, силлабической системы *«хедже»* (*«хедже»* — араб. «слог», другое название системы — *«пармак»* — тур.-тат. «палец»).

В антологии помещены и сами оригинальные тексты стихотворений в латинографичной транслитерации. Это даст читателям возможность воспроизведения оригинального звучания того или иного произведения, что, безусловно, обогатит их целостное восприятие.

Итак, крымскотатарская поэзия XV—XIX веков... Обилие авторов, среди которых немало обладателей значительных творческих дарований, чрезвычайное формально-жанровое разнообразие, глубокая содержательность и художественная выразительность этой поэзии, исполненной высокой нравственной чистоты, благородства и искренней религиозности, делают ее предметом большого эстетического удовлетворения, а также пристального внимания, поскольку помимо ценности как таковой она дает нам возможность достаточно естественно погрузиться в мир восточного поэтического искусства обширнейшего мусульманского региона — поэзии тюрков, персов, арабов периода VII—XIX веков, являющейся неотъемлемой частью мировой поэтической сокровищницы и не оставляющей, хочется надеяться, равнодушным никого, с ней соприкасающегося.

Грезы розового сада... В томлении Омера и восторге Газаи, в мольбах Кямилы и печали Резми, в видениях Халима и мудрости Иззи... Войдем же в этот сад.

I MENGLİ GERAY HAN

Qıt'a

Firâqıñdın benim hâlim sorar bolsañ eger cânâ
Köñülde nâr u közde âb u dilde âh olur peydâ

Seniñ mürğ-i hayâliñni içinde asramaq için
Bolubdur kirpigim birle qafes bu dide-yi bînâ

Menim ol Han-ı Mengliş kim muhabbet mülki şahımın
Cihânıñ mülk ü mālına gururım yoqdurur aslâ

МЕНГЛИ ГЕРАЙ ХАН I

Кыта

Разлук с тобой тоску и боль как описать, любовь моя?
В душе — огонь, в глазах — слеза и в сердце —
вздых день ото дня.

Чтоб птицу лика твоего в своих виденьях удержать,
В решетку из тугих ресниц я превратил свои глаза.

Я — Хан Менгли, я — властелин во всех владениях любви,
На все сокровища земли я бы любовь не променял.

BORA II ĞAZİ GERAY HAN
(Ğazâyi)

Ğazel

Ey sabâ yetkür peyâmım ol yüzi gül dilbere
Hasta hâlim şerh qılğıl bir-bir ol sîmînber

Söyle kim kördim seniñ ol közi yaşlu âşiqiñ
Hasta-veş beñzi sararmış benzemiş nilüfere

Ayrılıq odı ki sensiz cânına kâr eylemiş
Bâr-ı Ğamdın ham olub tâ qaddi dönmiş çenbere

Çäk-çäk itmiş yaqasın dest-i hicrân yapışub
Dûd-ı âhi çıqsa yetğây işbu çerh-ı ahdere

Munce kim cevriñ çeker hasta Ğazâyi derdmend
Virmesün ol hâli Haq müslim degil bir kâfere

БОРА ГАЗИ ГЕРАЙ ХАН II (Газайи)

Газель

Эй, ветерок, весть передай той, чей лик — алый цветок.
Муки мои перескажи той, чья грудь — трепетный шелк.

Ты ей скажи: «Очи его, словно родник, все в слезах;
Лилией стал облик его, весь пожелтел как листок.

Пламя любви ветром разлук душу ашика сожгло.
Стан его сник, обручем стал от бесконечных тревог.

Пальцы разлук ворот его весь разорвали по швам.
К своду небес грустно летит вздохов туманный поток».

Сколько обид сердце хранит, терпит душа Газайи.
Горьких тех мук другу узнать или врагу не дай Бог.

Ğazel

Kettür saqî meyi kim bir dem olsun
Dil-i şeydâ bu demde hurrem olsun

Behişt-âsâ münevver eyle bezmi
Seniñ devrinde benden âdem olsun

Perişan eyle zülf-i anber-âlûdı
Kirişler bir-birine müdĝam olsun

Koñül kel ısqıyle efganlar eyle
Nice bir sır-ı ısqıñ mübhem olsun

Saņa her kim yaman kóz birle baqşa
Vücûdı eksilüb ömri kem olsun

Mey içme olmasa santur u tanbur
Anıñ zarfı kerek câm-ı Cem olsun

Ğazâyî dâimâ eyle Ğazâlar
Eger qadrin dilersen muazzam olsun

Газель

О, кравчий мой, вино как кровь станет пусть.
Душа счастливою собой станет пусть.

Подобным райским небесам сделай пир,
И раб свободной пустельгой станет пусть.

Благоухающую прядь всю рассыпь,
И неприятности быльем станут пусть.

Душа, приди, стеной в любви в эту ночь.
Тайник любви для нас свечой станет пусть.

Кто на тебя, моя любовь, взглянет зло,
Короче дни, черней чело станут пусть.

Не пей вина, пока молчит мой танбур.
Сосудом чар сосуд с вином станет пусть.

Веди всегда свой газават, Газайи,
Счастливым сан достойный твой станет пусть.

Ėazel

Habibim münisim yârim tabîbim derde dermânım
Enisim yâr-ı dilhâhım latifim mahremim cânım

Gülendâmım dilârâmım vefâdarım hevâdarım
Özi şahım yüzi mâhım boyı serv-i gülistânım

Peri-peyker lebi şekker sözi gevher özi hoşter
Qaşı yay kirpigi hancer sühanver la'l-i mercânım

Yüzi gül saçı reyhânım lebi mül çeşmi hûnhârım
Ki sensin hâsilim varım muhassal dinim imânım

Könül inler közim ağlar yaşım çağlar firâqında
Terahhum eyle ey şahım tekellüm eyle ey hanım

Çıqub seyre süvâr olmuş yolmda ten gubâr olmuş
Niçeler hâksâr olmuş kezer nâz ile cânânım

Közüm yaşın döker her dem çeker zahmine yoq merhem
Gazâyî qanı bir mahrem diyem hâl-i perîşanım

Газель

Моя любовь, моя судьба, спаси от мук, храни от ран.
Мой милый друг, моя душа, лишает сна твой нежный стан.

Ты, как цветок, и так нежна, как ветерок, и так верна.
Собой — княжна, лицом — луна, стан — кипарис, дом — Гюлистан.

Лицом — Лейла, устами — мед, во взоре — лед, огонь — в речах,
Ресницы, брови как клинок, кинжал — глаза, коралл — уста.

Розарий — лик, прядь — базилик, глаза — гроза, уста — нектар;
Несметный клад, бесценный дар, тебя мне сам Аллах послал.

Душа болит, горят глаза, течет слеза — разлуки яд.
Прости меня, мой падишах, не зная сна, тоскует хан.

Когда тебя несет твой конь, мужчины стелятся травой;
Когда по ним скользит твой взор, они как пыль, что льнет к ногам.

Глаза — в слезах, душа — в крови, бальзам ее не исцелит.
О, Газайи, найди Сезам, верни любовь, прости обман.

Ğazel

Râyete meylideriz qâmet-i dil-cû yerine
Tuĝa dil bağlamışız kâkûl-i hoş-bû yerine

Heves-i tîr ü kemân çıqmadı dilden aslâ
Nâvek-i ĝamze-yi dil-dûz ile ebrû yerine

Süreriz tığımızın zevq u sefâsın her dem
Sîm-tenler ile olan lezzet-i pehlû yerine

Gerden-i tevsen-i zîbâda qutâs-ı dil-bend
Baĝladı ĝönlümüzü zûlf ile ĝisû yerine

Severiz esb-i hüner-mend-i sabâ - refârı
Bir perî-şekl sanem bir ĝözi âhu yerine

Ğönlümüz şahid-i zîbâ-yı cihâda verdik
Dilber-i mah-rûh u yâr-i perî-rû yerine

Seferin cevri çoq ümmid-i vefâ ile velî
Oldıq âşüftesi bir şûh-ı cefâ-cû yerine

Olmışız cân ile billâh Ğazâyî ĝazâya teşne
Qanını düşmen-ı dîniñ içeriz su yerine

Газель

К стягу пыл девичьих станов нам усладу заменил.
К бунчуку сердечный трепет кос отраду заменил.

К луку пыл и острым стрелам, что из сердца не извлечь,
Брови, что пронзают сердце, стрелы взглядов заменил.

Стан клинка, что льнет вдоль тела и ласкает нас всегда,
Стройной серебристой девы сладость заменил.

Прядь на шее иноходца нам опутала сердца,
Локон на висках любимой, кос гирлянду заменил.

Пыл к коню, чей бег и норев веселее ветерка,
Стана пери, глаз газели нам награду заменил.

Для красавиц газавата открывается душа,
Пери томных, луноликих в час джихада заменил.

Гнет военного похода, что пришлось перенести,
Муки от любви жестокой дев нещадных заменил.

О, Аллах, о газавате страстно грезит Газайи,
Воду вражескою кровью без пощады заменил.

Ğazel

Kiçe yüzniñ hasretidin pes ki giryân oldı şem'
Âteş-i Ğam şu'lesidin yandı süzân oldu şem'

Kördi kim olmaz münevver ârızındın münceli
Qalb-i âşiq kibi âhir yandı hırman oldı şem'

Bezm-i vaslñ hasretidin başladı yaş tökmege
Subha dek dünyâ evinde gerçi mihmân oldı şem'

Subh-i vâse kördi âhir yetmegi olmış muhâl,
Eksilüb Ğam birle ömri hâke yeksân oldı şem'

Ey Ğazâyî geh visâli fikir qıldı geh firâq
Ğâhi girye qıldı Ğamdın Ğâhi handân oldı şem'

Газель

Ночью слезы, сна не зная, льет печальная свеча.
От страданья разгораясь, тает плавная свеча.

Понимая, что нет счастья без любимого лица,
Как израненное сердце, пьет отчаянье свеча.

Встречи с другом ожидая, жжет горячая слеза.
В доме мира догорает гостья — тайная свеча.

Утром с грустью понимая, что желанья не сбылись,
От печали убывая, сникла талая свеча.

То разлуки, то свиданья вспоминая, Газайи,
То рыдает, то сияет сострадальная свеча.

Ğazel

Seyr-i Ğulzâr eglemez Ğamdan tutulmuş könlümi
Ğonceler açmaz benim qan ile tolmüş könlümi

Şâdem ey hemdem Ğam-ı hicran ile vaslın añub
Muztarib hâl ile bu ârâm bulmuş könlümi

Canıma cânân elinden seng-i mihnetdir kelen
Yapmadı ol seng-dil bir kün bozulmuş könlümi

Niçe yıldır kim reh-i ışqında sergerdan yürür
Körmedim bî-hûde kezmekden yorulmuş könlümi

Girdbâd-ı deşt-i Ğamda oldı bir avuç Ğubâr
Bulmaq istersen eger âvâre olmuş könlümi

Hiç müĞânın oqı çıqmaz dil-i sad-pâreden
Körmedim herĞiz cerahatden oñulmuş könlümi

Qarşu varur ol perînin Ğamze-i hûnrizine
Kör Ğazâyî tîĞ-ı bürrâna urulmuş könlümi

Газель

Зрелище роз не веселит взора влюбленной души,
Алый бутон не теребит струн изможденной души.

В муках разлук счастье нашел в грезах о встрече с тобой.
В муках любви ищет покой тень истощенной души.

Камни тех мук из-за тебя грудь истерзали мою.
Каменносердной не возвести кров изумленной души.

Сколько времен в путях любви бродит в смущеньи она;
Столько времен тщетно искать след утомленной души.

Ветер пустынь в пыльную горсть душу мою превратил.
В буре невзгод не отыскать пепел смущенной души.

Стрелы ресниц в сердце вошли, их никому не извлечь.
Не увидеть стянутых ран неутоленной души.

К темным очам пери моей храбро стремится она.
О, Газайи, смело смотри в раны сметенной души.

Ğazel

Keldi nevrûz oldı ammâ eski dilde Ğam henüz
Sünbülîñ sevdâsıdın könlümde pıç ü ham henüz

Bûlbül-i şûrideler güllerge hâlin arz ider
Tapmadım derd-i dilim ayturĞa min hemdem henüz

Saqlerem candik nihân nâmihibâmm ışqını
Bilmeyin kitdi yanımdın aql-i nâmahrem henüz

Yapqan idük zâhidâ meydin safâlar biz müdâm
Dâhî peydâ olmadın humhâne-i âlem henüz

QalĞan idük ışq kûyi içre bir mesken tutub
Cennet-i a'lâya anda kirmedin Âdem henüz

Hicr tîĞi zahmıdın canım çıqar hâletde min
Hoqqa-i la'lîndin ammâ yetmedi merhem henüz

Ey Ğazâyi gül kibi azürde Ğamdın barça il
Dâmeniñni hâr-ı Ğam tutmuş seniñ muhkem henüz

Газель

Снова весна, в сердце ж опять прежняя боль, так и знай.
Твой гиацинт будит в душе памяти рой, так и знай.

И соловьи розам своим песни любви вновь поют.
Я же друзей всех растерял, стал им чужой, так и знай.

В замке души тайно храню пыл безнадежной любви.
Слабый мой ум бросил меня на произвол, так и знай.

Я находил радость в пирах, да не осудит аскет,
Прежде того, как расцвела эта юдоль, так и знай.

Счастье обрел в крае любви, снявши жилье в том краю,
Прежде того, как сам Адам рай свой обрел, так и знай.

Словно мечом раны разлук душу разъяли мою.
Кубка тех губ сладкий бальзам зря я извел, так и знай.

Эй, Газайи, сколько миров плачут как срез алых роз.
Крепко шипы срезанных роз держат подол, так и знай.

Mesnevi
«Dolab»

Yol üstünde yoluqđım bir dolába
Didim niçün sürersin yüz bu ába

Delinmiş bađrın u qaddin bükülmüş
Ğözün yaşı ayađına dökülmüş

Nedir áşiqmısın var mı firakın
Bu Ğurbetde kimedür iştıyaqın

Ğiçer böyle seniñ leyl ü nehârun
Ki yoq mıdur elinde ihtiyârun

Nedür bâis hele böyle fiđana
Bükülmüş qâmetün dönmiş kemâna

Hem ađlarsın hem inlersin dem-â-dem
Bu gizlü derdiñi bilmez hiç âdem

Doláb iştıdi benden bu hitabı
Zebân-ı hâl ile virdi cevabı

Habersiz âdem-ođlı macerâdan
Qazâdan bil dime çün u çirâdan

Месневи «Мельничное колесо»

Повстречав однажды на пути долаб,
Я спросил: «Что лик свой протираешь, брат?

Грудь твоя пробита, изогнулся стан,
Слезы водопадом падают к ногам.

Что с тобой? В разлуке или ты влюблен?
По кому тоскуешь горько день за днем?

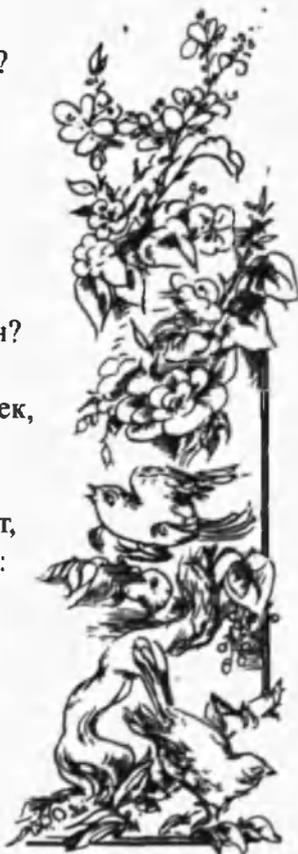
Дни сменяют ночи чередой своей.
Не осталось мощи во плоти твоей.

Отчего твой голос тяжким стоном стал,
Изогнулся луком твой согбенный стан?

И грустишь, и плачешь ты который век,
Но не видит этой скорби человек.»

И долаб, услышав горький мой привет,
На своем наречье мне сказал в ответ:

«Человек, что знаешь о пути своем?
Не пытай у судий: почему, за что?»

Yüce dağlar idi evvel mekânım
Benim de var idi tâb u tuvânım

Aqardı her zamanlar deşt sarı
Revân olub ayagım çeşmesârî

Tutub her yanımı qolum budağım
Çemen üzre turub herdem ayagım

Başımda qumrı vu tuğraç öterdi
Zeminimde nice güller biterdi

Libâsım geh yeşil geh âl olurdu
Hazân vaqtı zerim pamâl olurdu

Benefşe baş ururdu sola sağa
Nihâl-i nevresim turub ayağa

Safa ile tutub câmını lâle
Saçardı cür'asını hâke jâle

Olub nergis gözi her gice bi-hâb
Olurdu nuql-i meclis anda unnâb

Esüb båd-ı ecel nâgeh yıqıldım
Kesildi bih-i ömrim anda bildim

Прежде были кровом мне вершины гор,
Прежде сил был полон, отводил топор.

Протекал мгновений золотой песок,
Обмывал мне ноги голубой поток.

От рукопожатий не скрывал ветвей,
Травы покрывали наготу корней.

Птицы ворковали в завитых кудрях,
И благоухали цветники в ногах.

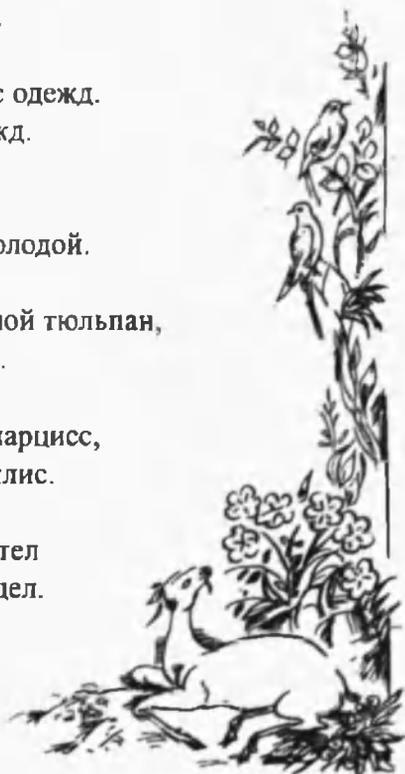
Изумрудным, алым был раскрас одежд.
Раздавал по осени золото надежд.

Роза колыхала мерно головой,
С нею распрямлялся стебель молодой.

С наслажденьем кубок нес лесной тюльпан,
Расточая капель розовый туман.

Очи темной ночью не смыкал нарцисс,
Мудрыми речами радовал меджлис.

Но внезапно ветер смерти налетел
И теченью жизни положил предел.

Büke gelmez idi hergiz kemânım
Yıqıldım qalmadı táb u tüvânım

Hemân dem kesdiler qolum budagım
Sürmekçün biri deldi ayağım

Taqub boynuma anda rîsmânı
Ki bildim qalmadı işret nişânı

Qanı ol mürğzârım lálezârım
Diriğâ gitdi elden ihtiyârım

Meni qıldılar anda hâke yeksân
Ki efgan eyler idim anda nalân

Niçe yıl geçdi vü cismim qurudı
Yeşil tonım qarardı vü çürüdi

Zekeriyyâ tek meni anda biçerler
İşit imdi bâña ne iş giçerler

Qılub tahta meni hem mih ururlar
Tecemmü eyleyüb suye sürürler

Dönermen ol zamandır bu zamandır
Bilürsen kim felek işi yamandır

Несгибаем прежде был мой крепкий стан,
Истощились силы, и я срубом стал.

Обрубили руки голубых ветвей,
Источили ноги молодых корней.

Обвязали шею толстою петлей.
Не осталось жизни капли не одной.

Где поля тюльпанов, где поляны птиц?
Где хмельные травы, пение синиц?

Уравняли ствол мой с брэнною землей,
И с тех пор страдаю в стороне чужой.

Иссушилось тело: сколько лет прошло,
Почернело платье светлое мое.

Словно бы Захарью распилив пилой,
Напоили вдоволь мертвою водой.

Гвозди в меня вбили, разогнув доской,
В воду погрузили, изогнув дугой.

С тех времен вращаюсь
и до сих времен.
Посмотри, прохожий,
в зеркало свое.

Yidi Eyyüb tek baĝrımın kirmân
Qazāya çare ne söyle ne dermân

Sözümden ibret alĝıl sen de ey Hân
Felek milkinde varsız cümle mihmân

Ğurur itme saqın sen de cihâna
Gülerdim ben de nice nâtuvâna

Felek bir yedi başlı ejdehadur
Ki naqd-i ömr-i âdem hüd ĝıdadur

Nice mürsellere zehrin içürdi
Nice yüzbiñ velî andan geçürdi

Nice şehler gelür anda olur mât
Murâd üzre sürülmez bunda hiç at

Ne hoş dimiş bu ebyâtı bir üstâd
Ki her dem de anuñ ruhı ola şâd

Dilâverler cihâna toymadılar
Zamânuñ hamlesine doymadılar

Ki aldanma arûs-ı dehre zinhâr
Nice arslan helâk eyler o murdâr

Ne hâl olsa aña dil virme bari
Vefalu dib bu qahbe rûzigârı

Словно у Иова черви съели грудь.
Знаешь ли ты место счастья где-нибудь?

Назиданье это ты запомни, Хан.
Все на свете — гости, а покой — обман.

Перед этим светом впредь не заносись,
Силою пред слабыми лучше не гордись.

Рок — непобедимый в семь голов дракон;
Время человека поедает он.

Множество пророков ядом отравил;
Праведникам многим головы затмил.

Многим падишахам он поставил «мат» —
Ты «коня» не властен переставить, брат.

Как сказал однажды мне один поэт,
Да пребудет радость с ним на много лет:

«Миром не насытишь душу храбреца,
Время не насытит храбрые сердца».

Ты не верь наряду пышному судьбы,
Львы с судьбою бились, где теперь они?

Ты судьбе неверной не вручай души,
Не блуждай в потемках, не ищи в глуши.

Geçürme Ğaflet ile rüzigaruñ
Ki var iken elinde ihtiyaruñ

Dilersün kim irişesin kemâle
Tevekkül qıl her işde Zü'l-Celâle

İki âlemde isterseñ ferâgat
Aqıt gözüñ yaşın eyle taât

Sözün hatm it yiter didiñ Ğazayı
Ki taât qıl dile Haqdan rızayı

Rızâ vir her ne kim gelse qazâdan
Hudâdan bil Hudâdan bil Hudâdan.

Только нерадиво дни не проводи,
Силы есть покуда, воля есть — иди.

Если совершенства ты достичь хотел,
Уповай на Бога, вера — твой удел.

Если же покоя ищешь в двух мирах,
Кайся, будь покорен, и исчезнет страх».

Завершай рассказ свой грустный, Газайи,
Обратись к Аллаху и согласи жди.

Согласись смиренно с тем, что судит рок.
Знай, что все на свете Бог дал, Бог дал, Бог.

I BAHADIR GERAY HAN (Rezmi)

Ėazel

Hatt-ı sersebzînin üstünde ider yer zülfün
Çemen üstünde biten sünbüle beñzer zülfün

Ebr-i serâb-sıfat perde-fikendür hurşide
Afitâb-i ruhuña säye salar ter zülfün

Baş qaldırdı yüze çıqdı sipâh-ı hattın
Fitne vehmiyle düşüb ra'şeye titrer zülfün

Saqınur ol gül-ruhsârı esen yellerden
Sanma tahrik-i sabâdan yüzün örter zülfün

Nice mümkün gire Rezmi-i gedânın eline
Genc-i hüsnün senin ejder gibi bekler zülfün

БАХАДЫР ГЕРАЙ ХАН I (Резми)

Газель

На нежной опушке трепетно спит, ах, локон твой.
На тихой лужайке как гиацинт, ах, локон твой.

Набухшее облако как покров обоих солнц.
По солнцу щеки завесой скользит, ах, локон твой.

Пушистое войско на алых щеках восстало вновь.
В предчувствии беды от страха дрожит, ах, локон твой.

Спасает красавиц с щеками роз от стылых гроз.
Так лишь от ветра тебя сторожит, ах, локон твой?

Ты думал, что все, что есть на земле, в руках Резми,
Но клад красоты драконом хранит, ах, локон твой.

Ğazel

Bu çerh-i sifle-perver ehl-i tab'a cüd göstermez
Metâ-ı ma'rifet güya ziyândur sūd göstermez

Çeker bir perde dâ'im dîde-i hasret-nigeh üzre
Ruh-ı cânâna baqsam eşk-i hün-âlud göstermez

Olub seng-i havâdisden şikest âyine-i tab'ım
Murâdım üzre rüy-ı şahid-i maqsūd göstermez

Tabâbet gösterüb her zahmıma elmâs bend eyler
Mürüvetsiz felek bir merhem-i bihbüd göstermez

N'ola âteş-eser olsa sevâdı şî'r-i Rezminin
Derunı hâne-i âteşdür ammâ dūd göstermez

Газель

От судьбы щедрой к низким ты щедрости к честным не жди.
Знаний клад лишь во вред, ты по знаниям чести не жди.

Закрывает завесой печального взора глаза.
Из-за слез на крови видеть щеку невесты не жди.

Разбивает камнями событий зеркалье души,
И по прихоти ты видеть образ небесный не жди.

Налагает, врачуя, на каждую рану алмаз.
От жестокой судьбы ты целебного средства не жди.

Что с того, что подобны огню полустиишья Резми?
От огня в доме сердца ты дыма над сердцем не жди.

SOFU IV MEHMED GERAY HAN
(Kâmil)

Qoşma

Ne ağlarsın gönül nedir feryâdın
Derd ü gam serinden gitmez mi sandın?
Bir gün şad eyleyüb virüb murâdın
Haq seni teselli itmez mi sandın

Qurtulmadın gönül âh u feryâddan
Gam kiş attı saqın kendini mâtdan
Qurtarıp zevraqın bu zulümâtdan
Bu eyyâm kânına çatmaz mı sandın

Bilmezem gönül hiç saña ne olmuş
Ağlarsın gözlerin qan ile dolmuş
Şadlıq mülküni zây ü harâb itmiş
Bir dahi hiç temel tutmaz mı sandın

Yeksân oldım deyü ol nâmerd ile
Yaqmadasın gönlün kendin ord ile
Bu dünyâ böyledir her dem derd ile
Qalur gider işin bitmez mi sandın

Her zülf-i siyâha gönül bağlarsın
Derde düşer nâra sineñ dağlarsın
Nedir öksüz Kâmil niçin ağlarsın
Kendini murâda yetmez mi sandın

СОФУ МЕХМЕД ГЕРАЙ ХАН IV (Кямилъ)

Кошма

Что рыдает душа, что стонет в тоске,
Что печаль никогда не сгинет, решил?
В день прекрасный один дав счастье тебе,
Справедливый тебя не утешит, решил?

Не стряхнула душа мученья утрат,
Скорбь поставила «шах», и забрезжил «мат»,
Словно челн на волнах, и мрачен закат.
Что благие ветра не подуют, решил?

Что случилось, душа, что стало с тобой?
Что рыдают глаза кровавой слезой?
Радость ту, что имел, утратил с собой.
Что опорой она не станет, решил?

Сокрушаясь, обманут в служеньи своем,
Душу выжег себе жестоким огнем.
Этот мир вог такой: печаль день за днем.
Жизнь прошла, ничего не сделав, решил?

К чернокудрой любой привязан душой,
Грудь сжигасшь огнем, теряя покой.
Что, Кямилъ-сирота, рыдаешь с тоской?
Что? Желанья свои оплакать решил?

Qoşma

Añladım cihânın hâlini bildim
Şükür vücûdimde buldım iz'ânı
Bâb-i ma'rifetden dersimi aldım
Virseler istemem mülk-i Osmânı

Devir ider felek dolâbı durmaz
Bir gizli hayâldir onu göz görmez
Haqq'ın hikmetine aqıllar irmez
Qurmuş âb üstünde kevn ü mekânı

Yiter gâfil iseñ gel uyan hâbdan
Saqın vücûdını qurtar azâbdan
Yâd eyle hâk ile âteşden âbdan
Yaratmış ol Hudâ cism ile câm

Ğâfil olma gönül göç ider qatar
Azrâil destinde bir dolu tutar
Herkesin omrünü bir pula satar
Âl ile mat eyler felek insânı

Gel Kâmil hicâbı qaldır aradan
Qati zaif oldın sen bu yaradan
Ğam yime murâdın virür Yaradan
Ğanîdür bir adı çoqdur ihsânı

Кошма

Суть мира постиг и меру познал.
Хвала, я Тебя в себе понимаю.
В портале познания тайну узнал.
Дадут — не возьму владений Османов.

Всевышний вращает колеса судьбы.
Их тайные ходы глазам не видны,
И тайные смыслы умам не даны
Создавшего мир из частичек тумана.

Беспечный, очнись из небытия,
От вечных мучений избавишь себя.
Творец из земли, воды и огня
Создал твою душу и плоть без изъяна.

Не будь же беспечен, все сущее — дар,
В руках Азраила смертельный отвар,
Он дуну любого продаст за товар.
Судьба человека собьет и обманет.

Приди же, Кямиль, покрывало сними.
От раны ослаб, но ее не кляни.
Создатель воздаст, ты печаль оттони.
Пусть Имя одно, но щедрот — океаны.

Qoşma

Hasb-i hâlim saña beyân eyleyim
Gör n'eyledi âhir bu feryâd beni
Derd-i firqâtımı iyân eyleyim
Qurtar bu feryâddan eyle şâd beni

Qaldım bu fenâda şallar içinde
Bir merd-i garîbim iller içinde
Gubâr olmuş iken yollar içinde
Esüb bir kenâra sürdi bâd beni

Kerem qıl hâtırım yıqub sındırma
Gözlerim yaşını qana döndirme
Garîbim qapunda melûl gönderme
Meded ihsân eyle qıl küşâd beni

Dolubdur gözlerim qan ile nemden
Hiç hâli degildir serim sitemden
Halâs bulmuş iken girdâb-i gamdan
Eyledi bu felek gör berbâd beni

Der ki Kâmil seni aradım buldım
Lütfi çoq bir kerem kânısını bildim
Pâyine yüz sürüb qapuna geldim
Eyle murâd üzre ber-murâd beni.

Кошма

Мои печаль и боль Тебе изолью.
Во что безвольный стон превратил меня?
Разлук тоску и скорбь Тебе изолью.
Спаси и сохрани, восхити меня.

Оставил бренный мир, в пояс-шаль одет.
Один скитаюсь я на исходе лет.
В пыли чужих дорог оставляю след.
На самый край ветра занесли меня.

Яви добро Души, память не черни.
Потоки слез моих не мешай в крови.
Беднягу от ворот Твоих не гони.
Открой свою Любовь, осчастливь меня.

Глаза мои полны кровью и водой.
Чело мое черно скорбью и тоской.
Найдя меня вдали от пучины злой,
Свое взяла судьба, заманив меня.

Сказал Кямиль: «Тебя искал и нашел.
Тебя — источник благ желал и обрел.
К ногам Твоим припав, в дверь Твою вошел.
Прошу Тебя, Господь, приюти меня».

AFİFEDDİN EFENDİ
(Afîfi)

Ėazel

Görünmiyür bâis nedür ortada ol nâzik miyân
Var ey sabâ gör qandadur ol ġonce-i Őirin-zebân

San id-i adhâdur Őehâ aŐıqların bölük bölük
BaŐladılar gezdirmege qurbân için küyünde cân

Fırqat dahi ki id ola bir aded çeŐmin hele
Bir sürh-i câme giydürür baña bu çeŐm-i hün-feŐân

İd olur eylerseñ eyâ gelmez elinden merhabâ
Dil derdini ey dil-rübâ bilmez gidermisin hemân

Pâ-bus-ı dil-dâre nice ola Afîfi dest-res
Sen bir gedâ-i nâtüvân ol pâdiŐâh-ı kâmrân

АФИФЕДДИН ЭФЕНДИ (Афифи)

Газель

Скажи, прелестная, за что скрываешь свой тончайший стан?
Увидеть сладостный бутон слетай, зефир, в край Гулистан.

Как будто бы на праздник жертв влюбленные в тебя гурьбой,
Готовя души на убой, выгуливают в твой квартал.

Разлука станет торжеством, когда увижу только взгляд.
Однако твой жестокий взор рядит меня в одежд багрян.

И праздник был бы у меня, но ты его не в силах дать.
Неужто ты, моей тоски не увидав, уйдешь в туман?

О, сколько у прелестных ног их побывало, Афифи?
Ты — ждущий милости бедняк, она — достигший счастья Хан.

ABDÜLAZİZ EFENDİ
(İzzi)

Ėazel

«Künt-ü kenz» esrârını seyrâne düşdi gönlümüz
Sır içinde sır olan sultâne düşdi gönlümüz

Süret-i âlem zılal-i za'il oldığın bilüb
Ol beqâ mülkindeki sultâne düşdi gönlümüz

Teşne-leb vâdi-i hayretde gezerken sâde dil
Ley-i ma'allah hamrı ile qane düşdi gönlümüz

Dil Hümâsı sâye saldı çünkü her bir menzile
Zıll-i arş'allah ile zıllâne düşdi gönlümüz

İzziyâ dilde olan gevherleri nazm eyleyüb
Dür içinde muntazam dür-dâne düşdi gönlümüz

АБДУЛАЗИЗ ЭФЕНДИ
(Иззи)

Газель

«Кладом был...» и этой тайной упивается душа.
Тайной тайн, ее султаном, упивается душа.

Постигая образ мира, что как трепетная тень,
Царства вечного Султаном упивается душа.

В одиночестве и жажде изумляясь средь долин,
Влагой слитности с Аллахом упивается душа.

Долю укрывает тенью птица сердца Гамаюн.
Сенью Бога осеянной упивается душа.

Иззия, ты в сердце нижешь жемчуг в ниточки стихов.
Совершенным диамантом упивается душа.

Ğazel

Kendimi kendim ile kendim periřan eyledim
Aldanub zâhid sözüne ğayre iz'an eyledim

Eyleyüb Hâdî hidâyet çünki keldim kendime
Kendimi kendimle bilüb hâke yeksân eyledim

Kendimi saldıqça hâke izdiyâd oldı ziyâd
Soñra kesreti geçüb ben kesb-i irfân eyledim

Dil Hümâsı sayd-ı dildârı derûnî azm idüb
Dam-ı tevhîd içre kendim arz-ı cânân eyledim

Kendüme izzet bilüb kendi vücûdım yoqlığın
Dâm u dânededen geçüb kendimi sultân eyledim

Kendüne kendiñ gerekse bile gör sen kendiñi
"Men 'aref" sırrını zâhid keřf ü i'lân eyledim

Çünki geldim Izziyâ kendüme bildim kendimi
Kendi derdime yine kendimle dermân eyledim

Газель

Сам в себе я мир печали и мученья отыскал,
И, в аскете обманувшись, лишь сомненья отыскал.

Но Господь меня наставил, и я сам пришел к себе.
Сам себя сровняв с землею, я прозренья отыскал.

Но себя сровняв с землею, лишь умножил мир страстей,
Множества ж соединивши, просветленья отыскал.

Как диковинная птица в сеть Аллаха возжелав,
Так в силках с Любимым слиться я стремленья отыскал.

Отказав влеченьям тела, я уверенность обрел.
Мир страстей преодолевши, назначенье отыскал...

Если нужен сам себе ты, сам себя ищи в себе.
«Кто познал...», аскет, завета я значенье отыскал.

Иззийя, себя нашедши, ты в себе узнал себя.
Сам в себе своим мученьям ты леченье отыскал.

ÂŞIQ ÖMER

Gazel

Görenler qatre qatre hün-ı çeşmim hâke sarmaşmıŝ
Didiler bu ne âteŝdir düşüb haŝake sarmaşmıŝ

Duhân-ı âhı sanma ŝahid-i maqŝûdıma sundım
Murâdım destidir kim dâmen-i eflâke sarmaşmıŝ

Bugün bazâr-ı mihnetde tutuŝtım ŝîr-i aŝq ile
Gör ol mûr-i zaîfi pençe-i bî -bâke sarmaşmıŝ

Qani üŝtâd-ı kâmil cân u dilden eyleye ta'lim
Qani ŝâgird-i qâbil riŝte-i eflâke sarmaşmıŝ

Nic'etsün bu Omer ya bunca âlâm-ı serendüha
Hezâran dest-i sevdâ bir yaqası çâke sarmaşmıŝ

АШЫК ОМЕР

Газель

Узрев мой взор, что полон слез и кровью прах земной схватил,
Сказали: «Что же за огонь так пылко щепок рой схватил?»

Дым вздохов, видно, не достиг стопы возлюбленной моей.
Рукой желанья и любви лишь полог неземной схватил.

На торге скорби и обид, ввязавшись в бой со львом любви,
Ты погляди на муравья, что храбро длань его схватил.

Где тот учитель, что постиг и учит сердцем и душой?
Где тот способный ученик, что нить небес рукой схватил?

Омер, что делать нам с тобой с чредою налетевших бед?
Любви тысячерукий рок за ворот нас с тобой схватил.

Müseddes

Bilmediñ gitdiñ hevâ ile heves tezvîrini
İmtihân-ı rûh ile emmâreniñ tedbîrini
Gördügiñ rû'yaların fehm itmediñ ta'birini
Boynuna qıldiñ belâ tûl-i emel zencîrini

Ne ferâgat itdiñ el çektiñ ne usandıñ gönül
Ne bu nefis insâfa geldi ne sen uslandıñ gönül

Nev-arûs-i dehr iken soldı bahârñ bilmediñ
Bilmediñ terk eylediñ nâmûs u ârñ bilmediñ
Bilmediñ geçdi bu rûtbe rûzigârñ bilmediñ
Gitdi sermâyeñ bile sûdñ zararın bilmediñ

Serteser geşt eylediñ dünyâyi dolandıñ gönül
Ne bu nefis insâfa geldi ne sen uslandıñ gönül

Ey Ömer bildim anıñçün istirâhat sende yoq
Cisminiñ mağlûbısın ruha riâyet sende yoq
İrdi idrâke halel aql u liyâqat sende yoq
Qabiliyyet qılmağa imkân u taqat sende yoq

Ne bu halqa yaradıñ ne Haqdan utandıñ gönül
Ne bu nefis insâfa geldi ne sen uslandıñ gönül

Муседдес

Не познал ты, убывая, ложь пристрастий и страстей,
Сердца строгих испытаний, плоти низменных затей.
Не нашел истолкований сновиденьям этих дней,
Цель несбыточных желаний затянув еще сильней.

Не нашла нигде покоя, не насытилась душа,
И ни плоть не пощадила, не наставила душа.

Пребывая новобрачным, ты восторга не познал.
Не познал, растратив совесть, стыд от торга не познал.
Не познав, что жизнь растратил, суть исхода не познал.
Расточив свои богатства, их природы не познал.

От начала и до края обошла ты мир, душа,
И ни плоть не пощадила, не наставила душа.

Эй, Омер, теперь я понял, почему ей счастья нет.
Где душа убита плотью, там у духа власти нет.
Повредил Господь сознание — мысли и отчасти нет.
Даже проявить познания силы нет, и страсти нет.

Бога ты не устыдилась, ни людей, моя душа,
И ни плоть не пощадила, не наставила душа.

Murabba'

Ey dirîğa düşdi dil bigânedən bigâneye
Aşınalıq gösterir pervânedən pervâneye
Gâh olur bülbül gibi baĝ-ı gülîstân arzular
Gâh gezer bayquş gibi virânedən virâneye

Çektigim gizli meşeqqat dūd-i âhımdan mıdır
Yandıgım pervâne-veş feryād ü âhımdan mıdır
Kendi nefsimden midir baht-ı siyâhımdan mıdır
Rûzigâr atar beni bir hânedən bir hâneye

Aksine devr eyledi çerh-ı felek qaldım ĝarîb
Ĝurbet illerde baña hiç olmadı vuslat nasib
Destine bir câm alub saqî gibi geldi raqîb
Durma çeşmim doldurur peymânedən peymâneye

Ârif-i billâh olan âlemde mir'ât ehlidir
Sırrın izhâr eylemez kâmil maqâmat ehlidir
Bü Ömer ol derd ile her dem harâbât ehlidir
Mest-i sergerdan gezer meyhânedən meyhâneye

Мурабба

Ах, как жаль, душа блуждает от чужого к чужаку,
Нежность сердца расточая от ночницы к мотыльку,
То, подобно певчей птице, грезит о садах из роз,
То скитается совою от развалин к пустырю.

Тайные мои страданья от вздыханий ли моих?
Мотылька мое сгоранье от стенаний ли моих?
Из-за плотских ли желаний, испытаний ли моих
Вихрь дорог меня бросает от двора и ко двору?

Колесом судьбы раздавлен, я остался бедняком.
По чужим краям скитаясь, сам себе стал чужаком.
Чашу в руки взяв как кравчий, соревнуясь с двойником,
Кубки глаз переполняя, за слезою лью слезу.

Просветленный в этом мире — из зеркаля человек.
Свету тайн не открывает все познавший человек.
Эй, Омер, в своих печалях ты — развалин человек,
Озаренный ты блуждаешь от трактира к кабаку.

Qoşma

Felek itdi hasret çeşm-i mestime
Diyâr-ı ğurbeti gezdim usandım
Ağlayaraq sengler alub destime
Bu derdli sînemi ezdim usandım

Qalmaqı zerrece sabre taqâtım
Gözden uyqu gitdi tenden rahâtım
Qalmamıştır ğayrı qula minnetim
Mihnet potasında sızdım usandım

Yönüm Haqqa tutdım yüzüm turâba
Gönül mahrum qalmaz gelen hitâba
Hicrân mâcerası sığmaz kitâba
Qalem aciz oldu yazdım usandım

Deli gönül ister işeñ se'adet
Binüb aşq atına itme sefâhet
Evveli melâmet soñu nedâmet
Muqtezâ-yı aşqı sezdim usandım

Ömer neler çekdi hicrân elinden
Gören ibret alır çeşm-i selinden
Yârin cefâsından halqın dilinden
Ben kendi kendimden bezdim usandım

Кошма

Судьбою отрешен пьянящих очей.
Чужбину обойдя, тоской изошел.
Рыдая, в руки взяв пригоршню камней
И грудь свою разбив, бедой изошел.

В терпении себе до крох отказал,
Глаза лишились сна, а тело — тепла,
В печали изведясь, не веря словам,
В горниле скорби злой мольбой изошел.

К Всевышнему иду, чело опустив,
Душа немеет, в слух себя обратив.
Историю разлук своих не избыв,
В бессилии пера слезой изошел.

Безумствует душа, блаженства коль ждет.
Блажен, кто в скачке дней любовь бережет.
Судить не торопись — судивший вперед,
В безумии любви нуждой изошел.

Омер, чреде разлук не жди перемен.
Потоку горьких слез прозренья взамен.
Я от людской молвы, от яда измен,
От самого себя тоской изошел.

Qoşma

Bu ayn-i uyünüm senindir seniñ
Aqan çeşm-i hümm senindir seniñ
Bu süz u derünüm senindir seniñ
Dil-i ergänünüm senindir seniñ

Gönül pür-melüldir dü çeşmim alil
Beyaban-ı ğamda bulunmaz delil
Reh-i firqatde bir yol azmış zelil
Gel ey rehnümünüm senindir seniñ

Bu ah u eninim bu hier ü ğamım
Bu şevq-ı melâlim bu ayn-ı demim
Bu necm-i saîdim bu baht-ı kemim
Bu derd-i füzünüm senindir seniñ

Bu şal ile bu tac bu hırqa aba
Qamusı yolında hebâdır hebâ
Bu çarı anasır bu hefti qabâ
Bu cem'an yekünüm senindir seniñ

Ömer dâr-ı ğurbetde nem var benim
Ya fehm ü firasetde nem var benim
Bu bazar-ı mihnetde nem var benim
Bu aqla cününüm senindir seniñ

Кошма

Этих глаз океан —	Твое все, Твое.
Слез кровавый туман —	Твое все, Твое.
Сердца жгучий обман —	Твое все, Твое.
Духа гулкий орган —	Твое все, Твое.

Изрыдалась душа,	и очи больны,
В бездорожье обид	ушел Проводник.
На дороге разлук	я сбился с пути.
Так приди ж, Проводник, —	Твое все, Твое.

Эти вздохи и плач,	и муки от ран,
Эти радость и грусть,	и слез океан,
Эти счастья звезда,	и злая судьба,
И бескрайность невзгод —	Твое все, Твое.

Эти шаль и убор,	и плащ, и хырка,
Все на этом пути —	и пепел, и прах,
Обе пары стихий	и семь покрывал,
Этой суммы итог —	Твое все, Твое.

Эй, Омер, средь путей,	что было мое,
В голове и в душе,	что было мое,
И на торге страстей,	что было мое,
Эта мысль, этот бред —	Твое все, Твое.

HÂCİ İ SELİM GERAY HAN (Remzi)

Dirîğ o tâze-nihâlim hevâ nedür bilmez
Belâ-yi aşq nedür ü mübtelâ nedür bilmez
Derûn-i sineye zahm urmağı bilür ammâ
Tabîb-i tâze-hevesdür devâ nedür bilmez

ХАДЖИ СЕЛИМ ГЕРАЙ ХАН I (Ремзи)

Тот стебелек темнокудрый о страсти не знает.
Пыток любви одержимого страстью не знает.
Знает, как сердце влюбленного ранить, однако
Мой юный лекарь лекарства от страсти не знает.

Çamzen ki ola sâqî-i çeşm-i siyeh-i mest
Mest itmege uşşâqı yiter bir nigh-i mest
Remzi hazer it ol saçı leylâ nighinden
Şeydâ ider insanı o çeşm-i siyeh-i mest

Чарует черноокого кравчия очей хмель.
Дурманит влюбленного заманчивый очей хмель.
Ремзи, очей черноволосой как ночь берегись:
Безумцами делает нас вкрадчивый очей хмель.

II MENGLİ GERAY HAN

Ğazel

Üftâde-i dâm-ı ser-i zincîr-i cefâyız
Bir zülf-i siyahkâre qul olmaya sezâyız

Ger şâh-ı serîrdar olursa n'ola cânân
Ğammı çekerîz biz dahi küyünde gedâyız

İtmeklik için hâk-ı rehin dideye sürme
Her şâm ü seher tâlib-i teşrîf-i sabâyız

Bir pula satarsa bizi agyâra aceb mi
Ol âfet-i gül-çehreye çün båd-ı hevâyız

Eylerse Nevâyi n'ola eş'ârımı tahsîn
Biz silsile-i hân-ı Qırım Mengli Gerayız

МЕНГЛИ ГЕРАЙ ХАН II

Газель

Попавшись с головою в узилище страданий,
Красавицы жестокой слугою быть желаем.

Пусть трона мы владетель — пустое для любимой,
В местах ее владений в неволе пребываем.

Чтоб очи исцелились землей ее тропинок,
Вседенно и всеошно шум ветра призывасм.

Не странно, что на прочих меняет нас как мелочь,
Ведь розе несравненной мы достаемся даром.

Вот если бы Неваи стихи наши одобрил —
Мы рода крымских ханов, Менгли, наш род — Гераи.

Şahsiyeti bilinmeyen müellif

Târîh-i vefât

Dilâ dehr-i fenâye itme râğbet
Çekersin âqibet bir gün nedamet

Görürsün bi-vefâdır dar-ı dünyâ
Yüzüne gülerek ider mezellet

Nice şehirler ki geldi bu cihâne
Heme eylediler uqbâ'ye rihlet

Ferah Sultan Hanî – nûr-ı saâdet
Ki terk itdi bize çekdirdi hasret

On iki yaşına irdikde nâgâh
O da câm-ı ecelden tatdı lezzet

Qani ol nev-hihâl-i bağ-ı Rıdvân
Qani ol gevher-i dürr-i nezâfet

Qani ol serv-i bustân-ı melâhat
Qani ol lû'lû-ı la'le-i hikmet

Cihânın hâlini görüb o hürşid
Şehâb içre nihân oldı bîminnet

“Deh nur-ı urfî” âyet âna lâzım
Qusurun affidüb Haq ide rahmet

Gelüb uçdı dil âna târîh
Maqâm oldı Ferah Sultâne cennet

Неизвестный автор

Эпитафия

Душа, ты миру бренному не верь, нет.
Раскашьясь, когда придет конец лет.

Ты видишь, как неверен был этот мир,
С презрением смеясь в лицо нам и вслед.

Как много падишахов, что в мир пришли,
Давно ушли — на небесах их совет.

Ферах Султан, ты нам была счастья свет,
Покинув нас, испили мы море бед.

Двенадцати достигнув лет, в одночас
Испила чашу, что зовут злая смерть.

Где этот юный стебелек райских лоз?
Где этот дивной чистоты первоцвет?

Где этот тихий кипарис? Плачь, бустан!
Где этих сокровенных уст алый цвет?

О, это солнце, лишь взглянув на сей мир,
Укрылось в тучах, унеся свой рассвет.

Да освятит ее Господь славой дней
И да простит ее грехи Он в ответ.

То ангел был и улетел — ей тарих.
Ферах Султан сейчас в раю, знай, поэт.

HALİM GERAY SULTAN (Halim)

Gazel

Gönül bir tıfl-ı gül-ruhsâr-ı müstesnâye hasretidir
O bülbüldür ki gûyâ gonce-i ra'nâye hasretidir

Humâr-alüde-i ye's oldı dil sâqî firâqıñle
Bu nûşânûş- ı gamda sâgar-ı sahbâye hasretidir

Değil aynımda mürğ-ı hâb-ı râhat uçdığı gözden
Hayâliñle gönül şeb tâ seher ru'yâye hasretidir

Bu sûq-ı köhnede sevdâgerân-ı cins-i irfâmñ
Bütün dâd u sited itdikleri sermâye hasretidir

Ser-i rahında hâk olsa Halim ol qadd-i şimşâdın
Yine damânma yüz sürmege çün sâye hasretidir

ХАЛИМ ГЕРАЙ СУЛТАН (Халим)

Газель

Душа по дивному дитю, что краше роз, в тоске, в тоске.
Так по бутону соловей средь чистых рос в тоске, в тоске.

В разлуке кравчия с тобой в похмелье слез моя душа
По кубку красного вина, что он унес, в тоске, в тоске.

Не птица сладостного сна покинула мои глаза —
И день, и ночь моя душа по воле грез в тоске, в тоске.

На старом торге, кто влюблен, кто был любим и просветлен,
О всем, что там наторговал, что мир принес, в тоске, в тоске.

Пусть станет пылью тот Халим пред той, что станом как самшит.
О том, чтобы омыть подол потоком слез, в тоске, в тоске.

Ėazel

Baq semt-i feyizden açılıb revzen-i hayâl
Şevq-ı ruhuñla oldı gönül rüşen-i hayâl

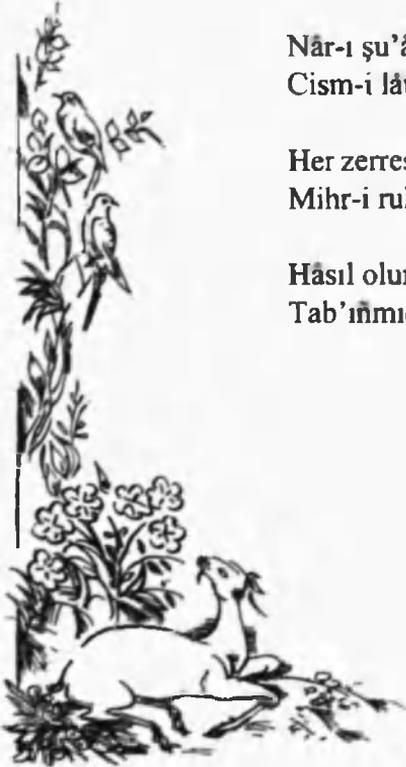
İtsem tahayyül âriz-ı gülgünñ ey perî
Mahsûd-ı bağ-ı cennet olur gülşen-i hayâl

Fikr-i nihâl-i qâmet-ı nâzik hırâm ile
Pür-berg-i nâz u cünbiş olur dâmen-ı hayâl

Nâr-ı şu'â-ı bäsıradan nesc ider gönül
Cism-i lâtif-i dilbere pîrahen-i hayâl.

Her zerresi gönülde olur reşk-i âfitâb
Mihr-i ruhuñ olur ise pertev-zen-i hayâl

Hâsıl olur hezâr hayâlat-ı bü'î-aceb
Tab'ınmıdır Halim seniñ ma'den-i hayâl

Газель

Ты посмотри на этот мир в окно из грез.
Твой светлый лик дарит душе венок из грез.

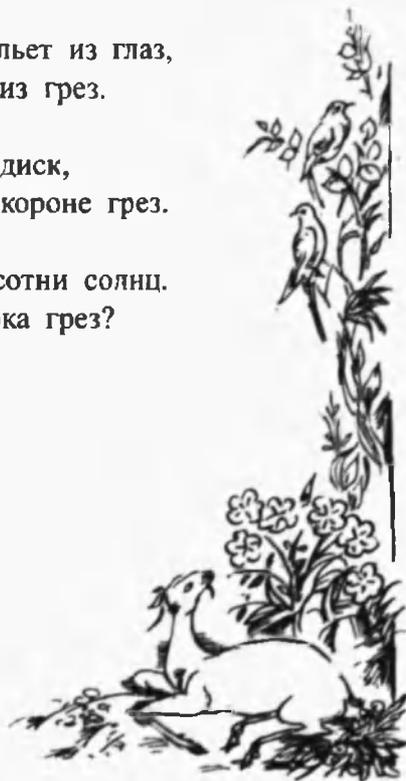
Представлю лишь твою щеку, моя любовь,
И позавидует Эдем бутону грез.

Лишь вспомню я стан-стебелек, твой легкий бег,
И лепестки капризных роз — в подоле грез.

Душа сплетает из лучей, что льет из глаз,
На тело нежное твое покров из грез.

Сиянию твоей души дивится диск,
Что светит среди бела дня в короне грез.

Возникнут сотни миражей и сотни солнц.
Месторождение — Халим, потока грез?

ŞAHBÂZ GERAY SULTAN
(Sîret)

Ėazel

Âşıq-ı şûride-hâliz zârdır eglencemiz
Künc-i ġamda derd-i ıŖq-ı yârdır eglencemiz

Eylesek endiŖe yârîñ zülf-i pürçiniñ n'ola
Hall olunmaz uqde-i düŖvârdır eglencemiz

Bir bölük pervâne-i bezm-i belâ vü miñnetiz
Pertev-i Ŗem'- i ruh-i didârdır eglencemiz

Sanmasın Sîret bizi eglencesiz ehl-i hevâ
Ney gibi her demde âh u zârdır eglencemiz

ШАХБАЗ ГЕРАЙ СУЛТАН (Сирет)

Газель

Влюбленный грустен, несмел и мука — его удел.
В юдоли горя и бед без друга — его удел.

Касаемся лишь едва кудрей любимой моей.
Не разорвать ни узла, ни круга — его удел.

Как мотыльки на огонь летим в собранье невзгод.
Стремиться к свету щеки подруги — его удел.

Пусть не считает, Сирет, нас праздными этот свет.
Как най, всегда причитать в разлуке — его удел.

КОММЕНТАРИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Стр. 9. Газель — наиболее распространенная форма лирики в средневековой тюркской, как, впрочем, арабской и персидско-таджикской классической поэзии. С точки зрения формы представляет собой небольшое монорифмическое произведение, состоящее из 4—22 (обычно 5—7) двустиший — «бейтов», зарифмованных по формуле *аа ба ва* и т. д. В последнем (иногда — предпоследнем бейте газели обычно помещается поэтический псевдоним («*махлас*») автора. Содержание газелей — самое разнообразное, основные же мотивы — воспевание красоты женщины и любви к ней, а также тоска по поводу неразделенности этой любви. Слово *газель* — арабского происхождения и возникло от глагола со значением «*прятать*», «*плести*». Со временем, семантически разившись, слово *газель* приобрело значения «*ухаживать*» (за женщиной), «*восхвалять*», «*превозносить*» (женщину).

Месневи — один из жанров средневековой персидско-таджикской и тюркской поэзии. Представляет собой крупное поэтическое полотно (поэма, повесть) эпического, религиозно-философского и т. п. содержания, с весьма выраженным элементом. Имеет бейтовую структуру со смежной — «сдвоенной» — рифмой по формуле *аа бб вв* и т. д.

Кыта (фрагмент) — одна из форм, а также жанров классической арабской, персидско-таджикской и тюркской поэзии. Представляет собой небольшое монорифмическое произведение, состоящее из 2—6 (обычно — 2—4) бейтов, зарифмованных по формуле *аб вб зб* и т. д. По содержанию преимущественно имеет характер философского размышления, обобщения, назидания.

Мурабба и *муседдес* — формы классической поэзии, имеющие строфическую структуру и состоящие, соответственно, из 3—17 (обычно 5—9) четверостиший (*мурабба*) или такого же количества шестистроочных строф (*муседдес*). Принцип рифмовки следующий: в первой строфе рифмуются все строки, в последующих же строфах последняя строка рифмуется с первой строфой, остальные строки построфно рифмуются между собой (*аааа бббб* и т. д. в *мураббе*, *ааааа бббба* и т. д. в *муседдесе*).

Кошма — форма тюркской народной поэзии. Состоит из 3—6 четверостиший со следующей рифмовкой: *аааб* (варианты: *абаб*; *юбяб*) *ввввб гзгзб* и т. д.

МЕНГЛИ ГЕРАЙ ХАН I (1445—1514)

Менгли Герай хан I — один из наиболее выдающихся ханов, правивших Крымским ханством в общей сложности около 44 лет (1467—1474, 1475—1476, 1478—1514). Сын основателя династии крымских ханов Гераев Хаджи Девлет Герая (ум. 1466). Менгли I считается фактическим устроителем Крымского государства. При его активном участии Крымское ханство в 1475 г. вошло под протекторат Османской империи.

Выдающийся политик, человек высокой культуры и обширных знаний, крупный меценат Менгли Герай I особую известность приобрел своей деятельностью в области просвещения. В частности, по его указу и при личном участии в 1500 году в местечке Салачик (ныне Староселье, предместье г. Бахчисарая) было открыто одно из наибо-

лее значительных высших мусульманских учебных заведений эпохи Крымского ханства — так называемое «Зындыжылы медресе» («Медресе с цепью»). На церемонии открытия медресе Менгли I была произнесена речь, текст которой сохранился до наших дней и свидетельствует об истинно государственном подходе крымского правителя к проблемам науки и образования.

Короткое стихотворение (кыта), оригинал и перевод которого помещены в настоящей антологии, является на сегодняшний день единственным образцом поэтических опытов Менгли Герая I. Перевод выполнен в размере, соответствующем размеру оригинала, а именно одной из форм, основанной на определенном порядке чередования кратких и долгих слогов классической арабо-персидской-тюркской системы стихосложения «аруз», графически выглядящей следующим образом: .---/.---/.---/.---/.---. где точкой обозначен краткий, а тире — долгий слог. В этом размере, являющимся одним из наиболее распространенных в классической поэзии дивана, выполнен целый ряд переводов настоящей антологии (напр. Газайи «Моя любовь»). Еще одним из популярных размеров является размер, графически обозначаемый как: .---/.---/.---/.---/.---. В соответствии с этим размером переведено большинство газелей Газайи, а также произведения других авторов. Все это преследует цель максимального сохранения в переводе музыкально-ритмического своеобразия оригинальных текстов.

БОРА ГАЗИ ГЕРАЙ ХАН II (1554—1607)

Бора («буря», «вихрь») Гази Герай хан II — выдающийся крымский правитель (годы пребывания у власти — 1588—1596, 1596—1607), прославившийся незаурядными политическими и военными способностями, а также решительностью, отвагой, прямоотой и независимостью характера. Одновременно с этим обладатель в высшей степени творческой натуры и эрудиции, Гази Герай получил широкую известность как первоклассный поэт (поэтический псевдоним Газайи), выдающийся композитор*, крупный музыкант-исполнитель, каллиграф, человек весьма обширных научных интересов, мценат.

Как поэт Бора Гази Герай является, пожалуй, наиболее значительной фигурой в истории классической крымскотатарской поэзии. Из достаточно богатого наследия Газайи до наших дней сохранились лишь несколько десятков (около 60) газелей, две стихотворные поэмы «Мельничное колесо» («Долаб») и «Роза и соловей» («Гуль ве бульбуль»), а также некоторые из личных писем в стихах.

Что касается жанровой стороны творчества поэта, особенно успешными являются образцы его военно-походной лирики и сатиры, а также проникнутая романтизмом и глубокой религиозностью любовная и философская лирика, частично представленная в настоящей антологии.

Поэтическое творчество Газайи издавна привлекало внимание исследователей и переводчиков. В середине прошлого века австрийским историком Й. Хаммер-Пургшталем несколько стихотворений Газайи были переведены на немецкий язык.

* Гази Герай II — один из самых ярких представителей тюрко-татарского классического музыкально-композиторского и исполнительского искусства. До наших дней сохранилось более 70 его музыкальных произведений, в основном для танбура, которым он прекрасно владел.

В начале нынешнего столетия переводы Хаммера в свою очередь были «переведены» на украинский язык известным украинским поэтом И. Франко. Еще несколько переводов Газайи в 1920-е годы были выполнены известным крымскотатарским ученым и писателем О. Акчокраклы и российским этнографом А. Алеснищим. Эти переводы были использованы выдающимся украинским ученым-востоковедом академиком А. Е. Крымским в его статье «Литература крымских татар», опубликованной в 1930 году в сборнике «Студії з Криму» (Киев).

Стр. 15. *Танбур* — струнно-щипковый музыкальный инструмент.

Газават — война за веру.

Стр. 17. *Гулистан* — сад роз.

Лейла — героиня популярной на Ближнем и Среднем Востоке арабской легенды о любви.

Стр. 19. *Газават* — см. прим. к стр. 15.

Джихад — священная борьба за веру.

Стр. 25. *Гиацинт* — цветок, символ волос возлюбленной.

Стр. 25. *Я находил радость в пирах, да не осудит аскет, // Прежде того, как расцвела эта юдоль, так и знай.* — в бейте присутствует суфийский мотив предвечности любви.

Стр. 27. *Долап* — ворот мельничного колеса.

Стр. 31. *Захария* — евангельский персонаж, отец Иоанна Крестителя, в ориг. — *Зекерия*, — коранический персонаж, один из праведников, отец пророка Хэйи. По мусульманскому преданию, спасаясь от врагов, скрылся в раскрывшемся ему навстречу дереве, но был выдан Иблисом (дьяволом). Преследователи, срубив дерево, распилили его вместе с Зекерией. В восточной литературе образ Зекерии символизирует преданность и стойкость в вере.

Стр. 33. *Иов* — библейский персонаж, в ориг. — *Эйюб*, — коранический персонаж, один из великих пророков. По преданию, жил в окрестностях нынешнего Дамаска (Сирия), был весьма набожен, зажиточен, многодетен. Аллах решил испытать силу веры Эйюба, отдав его во власть Иблиса (дьявола). Эйюб лишился богатств, затем один за другим умерли его родственники и дети. Наконец, дьяволом на Эйюба были посланы болезни, в результате которых тело его покрылось страшными гнойными язвами. Покинутый всеми, Эйюб вынужден был удалиться от людей и жить в пустыне, где продолжал свято верить в могущество Аллаха и уповать во всем лишь на Него. Наконец Создатель, в благодарность праведнику, вернул ему здоровье, а затем вновь наделил его детьми и богатством. В исламе образ Эйюба символизирует непоколебимую веру в Бога и долготерпение.

БАХАДЫР ГЕРАЙ ХАН I (ум. 1641)

Бахадыр Герай I (поэтический псевдоним «Резми») — крымский хан, за короткий срок пребывания у власти (1637—1641) зарекомендовавший себя как весьма решительный и предприимчивый правитель, а также дальновидный политик. Был

женат на дочери прославленного «Бора» Гази Герая (см. выше) поэтессе Хан-заде Ханым (?—?). Их взаимная любовь послужила поводом для появления многочисленных романтических легенд.

Как поэт Резми был весьма плодотворен и оставил обширное наследие. Многочисленные газели, исполненные в жанрах любовной и философской лирики, дошли до наших дней и хранятся в различных библиотечных собраниях Стамбула.

Стр. 39. *От огня в доме сердца ты дыма над сердцем не жди* — подразумевается страдающий герой, скрывающий свои чувства. *Дым* — вздохи влюбленного.

СОФУ МЕХМЕД ГЕРАЙ ХАН IV (ум. 1676)

Софу («Суфий») Мехмед Герай IV — крымский хан в 1641—1644 и 1654—1667 годах. Один из самых богатых, а также решительновоинственных крымских правителей. Одновременно известен крайней религиозностью и членством в суфийском братстве мевлеви. Для нужд братства по указу Софу была устроена одна из дервишских обителей в окрестностях г. Бахчисарая. В суфийских радениях принимал участие и сам хан.

После вторичного низложения с престола Мехмед IV покинул Крым и долгое время вел жизнь скитальца-дервиша в горах Дагестана. Там же умер в 1676 г. Спустя год прах его был перевезен в Бахчисарай и с почестями перезахоронен на ханском кладбище.

В историю крымскотатарской поэзии Мехмед Герай IV-й (поэтический псевдоним — «Камиль», что в арабском языке означает «совершенный», «зрелый») вошел как автор проникнутых искренним религиозным чувством, полных скорби, тоски и грусти коротких стихотворений религиозного содержания — «илиахи».

Стр. 43. *Дадут — не возьми владений Османов* — Владения Османов — земли и богатства Османской империи.

Азраил — имя «ангела смерти», одного из четырех приближенных к Аллаху ангелов.

Стр. 45. *Мою печаль и боль Тебе изолью* — в «Нем» подразумевается Бог.

АФИФЕДДИН АБДУЛЛА ЭФЕНДИ (ум. 1640 (?))

Афифеддин Абдулла эфенди — известный ученый и поэт (поэтический псевдоним «Афифи») — состоял в должности кадия (судьи) в Судаке, Мангуле, Кафе. Позже был назначен на пост кафинского муфтия. После отставки поселился в деревне Сеййид-Эли близ Кафы, где стал шейхом — руководителем и духовным наставником при устроенной по собственному же его распоряжению дервишской обители.

В газелях Афифи присутствуют суфийские мотивы, особенно ярко выразившиеся в творчестве его сына — поэта-суфия Абдулазиза эфенди (см. ниже).

Стр. 47. *...праздник жертв...* — ар. «ид-и адха» (тюрко-татарское название — «Курбан байрам») — праздник жертвоприношения, один из главных мусульманских праздников.

АБДУЛЬАЗИЗ ЭФЕНДИ (1611—1694/95)

Абдульазиз эфенди (полтический псевдоним «Иззи») — сын поэта и ученого, шейха Афифеддина Абдуллы эфенди (см. выше). По преданию, всю свою жизнь провел в дервишской обители — текке, устроенной его родителем при деревне Сейид-Эли близ Кафы. Имел из имущества лишь шкуру овцы, восседая на которой проводил все время в благочестивых размышлениях и созерцании, а также сочинении стихов. Последние в весьма ограниченном количестве сохранились до наших дней.

В преклонном возрасте совершил хадж (паломничество) в священную Мекку.

В предлагаемых стихотворениях Иззи в достаточно простой и одновременно художественно-выразительной форме описаны этапы мистического пути поиска и обретения поэтом-суфием находящейся в его же собственном существе сути божественной истины, гармонии и покоя. Другими словами — отражен метафизический процесс познания мистиком самого себя («приход к себе», «путешествие в себя») с одновременным постижением сути бытия и единения с Богом.

Стр. 49. *«Кладом был...»* — начальные слова одного из так называемых суфийских хадисов (высказываний) пророка Мухаммеда «Был я Кладом Сокрытым, и захотелось Мне стать ведомым». В этих словах заключен смысл суфийской трактовки сути и начала бытия.

Султан — подразумевается Бог.

Гачаюн (в ориз. Хума) — мифическая птица, приносящая счастье тому, на кого упадет ее тень.

Стр. 51. *Любимый* — Бог, объект любви в суфийской символике.

«Кто познал...» — начальные слова еще одного из «суфийских» хадисов пророка Мухаммеда «Познавший себя познал и Господа своего».

АШЫК ОМЕР (1621(?)—1707)

Ашык Омер (1621(?)—1707) — один из самых выдающихся представителей тюркоязычной «бардовской» поэзии — так называемой *«ашыкской»* (от *«ашык»* — ар. «влюбленный»), или, как ее еще называют, — *«поэзии саза»* (*саз* — струнный музыкальный инструмент, которым тюркоязычные поэты-ашыки сопровождали свои выступления). Ашык Омер — легендарная личность, о фактической стороне его жизни известно очень мало. Есть основания считать его уроженцем г. Кезлев, или Гёзлеве (ныне г. Евпатория, Крым). Однако большую часть своей жизни поэт провел в длительных скитаниях вне родины. Предположительно, Ашык Омер принадлежал к так называемым «янычарским» ашыкам, т. е. поэтам-певцам, сопровождавшим османские (турецкие) войска в различных походах

и сражениях, что, кстати, явилось почвой для создания Ашык Омером целого ряда весьма успешных стихотворений в жанре «походной» лирики.

Как явствует из произведений Ашыка Омера, поэт в свои «янычарские» годы побывал практически во всех уголках обширной Османской империи. В его стихотворениях мы встречаем десятки названий местечек и городов нынешних Турции, Болгарии, Румынии, Боснии, Греции, а также Украины и Польши.

Умер легендарный ашык, по преданию, в родном городе Кезлев в 1707 г. Там же и был похоронен.

Ашык Омер — один из самых плодовитых и популярных поэтов-ашыков. Необходимо отметить чрезвычайное формальное и жанровое разнообразие его творчества. Поэт безграничного дарования и высокой профессиональной поэтической культуры, Ашык Омер — мастер, творчество которого характеризуется как элементами народной поэзии, так и чертами, присущими «высокому стилю» классической поэзии дивана. В частности, в антологии представлены образцы, исполненные в формах как народной поэзии (*кошма*), так и поэзии дивана (*газель*, *мурабба*, *муседдес*). С точки зрения содержания, читатель, безусловно, обратит внимание на проникновенную искренность, художественную яркость, а также глубокую философичность лирики Омера. Заметим, что творчеству его не чужды были и суфийские мотивы. В целом же произведения Ашыка Омера поражают удивительной современностью звучания.

Стр. 57. ...из зеркала человек — подразумевается «человек совершенный» как манифестация Бога, Его наиболее полное отражение.

... ты — развалин человек — человеческое существо, преодолевшее ограничения материального тела.

Оьяненный — подразумевается опьянение божественным знанием и любовью.

Трактир (кабак) — питьевое заведение, в суфийской литературе — дервишская обитель — приют просветленных, а также душа совершенного суфия.

Стр. 61. ... *Твое все, Твое* — в «Нем» подразумевается Бог.

Проводник — духовный наставник, суфийский учитель.

Эти шаль и убор... — символы власти, «убор» — корона (венец).

...*плащ и хырка* — предметы дервишского одеяния. *Хырка* — дервишский халат.

Обе пары стихий... — четыре элемента материи: огонь, воздух, вода, земля, из которых создан человек.

... *семь покрывал...* — по эзотерическим представлениям семь тел человеческого существа.

ХАДЖИ СЕЛИМ ГЕРАЙ I (1634—1704)

Хаджи Селим Герай I (псевдоним «Ремзи») — знаменитый крымский хан, четырежды восходивший на престол (годы правления 1671—78, 1684—91, 1692—99, 1702—04). Сын Ремзи Бахадыр Герая I от брака с Хан-заде Ханым (см. выше). Прославился как мудрый политик, искусный правитель, а также талантливый

военачальник. Пользовался огромным авторитетом как в Крыму, так и при стамбульском дворе. Был человеком весьма просвещенным и религиозным. Совершил хадж (паломничество) в святыню мусульман — благословенную Мекку, за что удостоился титула «хаджи». Был известен как хафыз, т. е. человек, знавший наизусть священное писание мусульман — Коран. Состоял членом в суфийском ордена (тари-кате) мевлеви, на радениях которого исполнял функции месневи-хана — рецитатора текстов из знаменитой поэмы «Месневи» эпониима братства, выдающегося мало-азиатского поэта-суфия Джелаледдина Руми (1207—1273). Известны опыты Селим Герая I в области музыкально-композиторского искусства, а также его обширная благотворительная деятельность.

Два изяшных четверостишья Селима I, предлагаемые читателям, — практически все, что известно из творчества хана-поэта на сегодняшний день.

Эпитафия неизвестного автора

Одна из поэтических хронограмм надгробных памятников кладбища ханско-го двorca в Бахчисарае над могилой скончавшейся в 1723 году в 12-летнем возрасте Ферах Султан ханий, дочери Ислам Герая султана.

МЕНГЛИ ГЕРАЙ ХАН II (1681—1739)

Менгли Герай II — один из последних деятельных крымских ханов, правление которого (1724—1730, 1737—1739) пришлось на один из самых драматических периодов истории Крымского ханства. Предлагаемая газель — одно из немногих сохранившихся произведений хана-поэта, об объеме и характере поэтического творчества которого на настоящий момент практически ничего не известно.

В газели обращает на себя внимание желание поэта заслужить похвалу знаменитого среднеазиатского (узбекского) поэта XV века Алишера Навои, что, отчасти, свидетельствует о классических ориентирах в крымскотатарской поэзии XVIII века.

ХАЛИМ ГЕРАЙ СУЛТАН (1772—1823)

Халим Герай Султан (поэтический псевдоним «Халим») — сын одного из последних крымских ханов Шахбаз Герая (ум. 1793). Родился в Крыму, но большую часть жизни провел вне родины.

Уже после аннексии Крыма (1783 г.) в свите назначенного Стамбулом крымским ханом Бахадыр Герае II (ум. 1792) Халим участвовал в боевых действиях русско-турецкой войны 1787—1792 гг. Последующую жизнь провел в местечке Чатаджи близ Стамбула, где и скончался в 1823 году.

Халим Герай является автором известного труда по истории Крымского ханства под названием «Розовый цветок ханов» («Гульбун- и ханан»), а также многочисленных стихотворений, уже после смерти автора собранных в его поэтический «Диван».

Стр. 71. *Самшит* — вечнозеленое дерево, символ стройности стана возлюбленной и, одновременно, ее безразличия к судьбе влюбленного, поскольку самшит — дерево неплодоносящее.

Стр. 73. *Эдем* — райский сад.

ШАХБАЗ ГЕРАЙ СУЛТАН (1795/96—1836/37)

Шахбаз Герай султан (поэтический псевдоним «Сирет») — сын поэта и историка Халим Герай султана (см. выше). Благодаря усилиям Шахбаз Герая разрозненные стихи его родителя были собраны в Диван и увидели свет. О жизни и творчестве Шахбаз пока ничего не известно.

Стр. 75. *Най* — духовой музыкальный инструмент, продольная флейта; символ страдающей в разлуке души влюбленного.

В работе над антологией использованы оригинальные поэтические тексты в следующих изданиях:

1. Ertaylan, İsmail Hikmet. Gazi Geray Han. Hayatı ve Eserleri.— İstanbul, 1958.
2. Bursalı, Mehmet Tahir. Osmanlılar Zamanında Yetişen Kırım Mü'ellifleri. Haz.: Mehmet Sarı.— Ankara, 1990.
3. Ergün, Sadettin Nüzhet. Âşık Ömer. Hayatı ve Şiirleri.— İstanbul, [...].
4. Tansel, Fevziye Abdullah. Kırım Hanı Mehmet Giray IV'in Kâmilî Takma Adı ile Yazmış Olduğu Koşma ve Türküler. Türk Tarihi Kurumu. Belleten. Cilt XXXI.— Ekim, 1967; Sayı: 124.— s. 647—656.
5. Ассеевъ о-ссейяръ или Семь планеть, содержащій Исторію крымскихъ хановъ от Менгли-Гирей хана I-го до Менгли-Гирей хана II-го. Сочиненіе Сейида Мухаммеда Ризы, изданное Имп. Казан. Университетом, под наблюдением Мирзы Казембека.— Казань, 1832.
6. Бахчесарайскія Арабскія и Турецкія надписи. / ЗООИИД, т. 2.— Одесса, 1848.— с. 489—528.
7. Divan-ı Halim Giray. Haz.: Doç. Dr. Toparlı, Doç. Dr. M. Sadi Çögenli. Erzurum, 1992.

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
I MENGLİ GERAY HAN. МЕНГЛИ ГЕРАЙ ХАН I	
Qıt'a («Fıraqlıñdın menim hâlim sorar bolsañ eger cânâ»)	10
Кыта («Разлук с тобой тоску и боль как описать, любовь моя?»)	11
BORA II ĞĀZĪ GERAY HAN (Ğazāyi). БОРА ГАЗИ ГЕРАЙ ХАН II (Газайи)	
Ğazel («Ey sabâ yetkür peyâmım ol yüzi gul dilbere»).....	12
Газель («Эй, ветерок, весть передай той, чей лик — алый цветок»).....	13
Ğazel («Kctür saqi meyi kim bir dem olsun»)	14
Газель («О, краевич мой, вино как кровь станет пусть»).....	15
Ğazel («Habibim mûnisim yağım tabîbim derde dermânım»)	16
Газель («Моя любовь, моя судьба, спаси от мук, храни от ран»).....	17
Ğazel («Râyete meylideriz qâmet-i dil-cû yerine»)	18
Газель («К стягу пыл девичьих станов нам усладу заменил»).....	19
Ğazel («Kiçe yüzniñ hasretidin pes ki giryân oldı şem'»)	20
Газель («Ночью слезы, сна не зная, льет печальная свеча»).....	21
Ğazel («Sey-i güzâr eglemez gamdan tutulmuş köñlümi»)	22
Газель («Зрелище роз не веселит взора влюбленной души...»).....	23
Ğazel («Keldi nevrüz oldı ammâ eski dilde gam henüz»)	24
Газель («Снова весна, в сердце ж опять прежняя боль, так и знай»).....	25
Mesnevi. «Dolab»	26
Месневи «Мельничное колесо».....	27
I VANADIR GERAY HAN (Rezmi). БАХАДЫР ГЕРАЙ ХАН I (Резми)	
Ğazel («Hatt-ı sersebzîniñ üstünde ider yer zülfün»)	36
Газель («На нежной опушке трепетно спит, ах, локон твой»).....	37
Ğazel («Bu çerh-i sifle-pervet ehl-i tab'a cüd göstermez»)	38
Газель («От судьбы щедрой к низким ты щедрости к честным не жди»).....	39
SOFU IV MEHMED GERAY HAN (Kâmil)	
СОФУ МЕХМЕД ГЕРАЙ ХАН IV (Кямиль)	
Qoşma («Ne ağlarsıñ goñül nedir feryadın»)	40
Кошма («Что рыдает душа, что стонет в тоске...»).....	41
Qoşma («Anladım cihânin hâlini bildim»)	42
Кошма («Суть мира постиг и меру познал»).....	43

Qoşma («Hasb-i hâlim saña beyân eyleyim»)	44
Кошма («Моя печаль и боль Тебе изолью»).....	45
AŞİFEDDİN EFENDİ (Aşî). АФИФЕДДИН ЭФЕНДИ (Афифи)	
Ğazel («Görünmiyür bâis nedür ortada ol lâzîk miyân»)	46
Газель («Скажи, прелестная, за что скрываешь свой тончайший стан?»).....	47
ABDŪLAZİZ EFENDİ (İzzi). АБДУЛЪАЗИЗ ЭФЕНДИ (Иzzi)	
Ğazel («Künt-ü kenz» esrârım seyrâne düşdi göñlümüz)	48
Газель («Кладом был...» и этой тайной упивается душа).....	49
Ğazel («Kendimi kendim ile kendim perişan eyledim»)	50
Газель («Сам в себе я мир печали и мученья отыскал...»).....	51
AŞIQ ÖMER. АШЫК ОМЕР	
Ğazel («Görenler qatre qatre hûn-ı çeşmim hâke sarmaşmış»).....	52
Газель («Узрев мой взор, что полон слез и кровью прах земной схватил...»).....	53
Müseddes («Bilmediñ gitdiñ hevâ ile heves tezvirini»).....	54
Муседдес («Не познал ты, убывая, ложь пристрастий и страстей...»).....	55
Murabba' («Ey dirîğa düşdi dil bigâneden bigâncü»).....	56
Мурабба («Ах, как жаль, душа блуждает от чужого к чужаку...»).....	57
Qoşma («Felek itdi hasret çeşm-i mestime»).....	58
Кошма («Судьбою отрешен пьянящих очей»).....	59
Qoşma («Bu ayn-ı uyûnım seniñdir seniñ»).....	60
Кошма («Этих глаз океан — Твое все, Твое»).....	61
HÂCİ I SELİM GERAY HAN (Remzi). ХАДЖИ СЕЛИМ ГЕРАЙ ХАН I (Ремзи)	
«Dirîğ o tâze-nihâlim hevâ nedür bilmez».....	62
«Тот стебелек темнокудрый о страсти не знает».....	63
«Ğamzen ki ola saqi-i çeşm-i siyeh-i mest».....	64
«Чарует черноокого кравчия очей хмель».....	65
II MENGLİ GERAY HAN. МЕНГЛИ ГЕРАЙ ХАН II	
Ğazel («Üñâde-i dâm-ı ser-i zincir-i cefâyız»).....	66
Газель («Попавшись с головою в узилище страданий...»).....	67
Şahsiyeti bilinmeyen müellif. Неизвестный автор	
Tarih-i vefât.....	68
Эпитафия.....	69

HALİM GERAY SULTAN (Halîm). ХАЛИМ ГЕРАЙ СУЛТАН (Халим)	
Gazel («Gönül bir tıfl-ı gül-ruhsâr-ı müstesnâye hasretdir»).....	70
Газель («Душа по дивному дитю, что краше роз в тоске, в тоске»).....	71
Gazel («Bağ semt-i seyizden açılıb revzen-i hayâl»).....	72
Газель («Ты посмотри на этот мир в окно из грез»).....	73
ŞANBAZ GERAY SULTAN (Şiret). ШАХБАЗ ГЕРАЙ СУЛТАН (Сирет)	
Gazel («Aşîq-ı şûride-hâliz zârdır eğlencemiz»).....	74
Газель («Влюбленный грустен, несмея и мука — его удел»).....	75
КОММЕНТАРИИ	76

ББК 84-5 К (крымскотат.)

Г 796

Г 796 Грезы розового сада (из средневековой крымскотатарской классической поэзии) — Симферополь, “СОНАТ”, 1999. — 88 с., ил.

В книге представлены образцы средневековой крымскотатарской классической поэзии XV—XIX веков в оригинальных текстах и переводах, выполненных современным крымским поэтом и переводчиком Сергеем Дружининым. Сборник является первым опытом антологии крымскотатарской поэзии соответствующего периода и преследует цель ознакомления читателей с творчеством поэтов Газайи, Резми, Иззи, Ашыка Омера, Халима и др.

ISBN 966-7347-19-2

Мезкур китап “Відродження” Халкьара фонду ве Нидерланды Къыраллыгы укюмстининь “Къырымтатар китапханссини гъайрыдан тиклев” проекти эсаында нешир этильди.

Книга издана в рамках проекта Международного Фонда “Возрождение” и правительства Королевства Нидерландов “Возрождение крымскотатарской библиотеки”.

Книга видана в рамках проекту Міжнародного Фонду “Відродження” та уряду Королівства Нідерландів “Відродження кримськотатарської бібліотеки”.

Published with the financial help of International Renaissance Foundation and the Netherlands Government within the project “The Reconstruction and Upgrading of the Gasprinsky Library”.

ISBN 966-7347-19-2

9 789667 347192 >

Г 4803010200-10
Б43(04)-99

ISBN 966-7347-19-2

© С. А. Дружинин, переводы, 1999
© Н. Абдульваап, составление, предисловие, комментарии, 1999
© З. Траснинова, художественное оформление, 1999
© А. Эмиров, серия, 1999
© Издательство “СОНАТ”, 1999

Литературно-художественное издание

Gülşen hayalları **Грезы розового сада**

*(из средневековой крымскотатарской
классической поэзии)*

На крымскотатарском и русском языках

Редактор серии А. Эмиров
Составитель, автор предисловия и комментариев Н. Абдульваап
Художник З. Трасинова
Переводчик С. А. Дружинин
Художественный редактор А. А. Прусаков
Корректор Т. С. Николаева
Компьютерный набор: З. Ягьяева
Компьютерная верстка: А. А. Прусаков

Сдано в набор 10.6.1999

Подписано в печать 25.8.1999

Формат 60 x 84 ¹/₁₆ Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman

Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,5.

Тираж 1000 экз. Заказ № 9-541.

Издательство "СОНАТ", 95026, Симферополь, ул. Гагарина, 14-а, оф. 408.

Тел./факс (0652) 25-30-16, тел. 31-85-91. E-mail: sonat@crimea.com

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства "Харьков",
г. Харьков, Московский пр., 247.